

Т.Г.Бочина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

Лингвокультурологический аспект иронической паремии

В российском литературоведении стало общим местом заключение о том, что способность иронически относиться к себе и своему прошлому – одно из «свойств русского духа» [Борев 1970, 104-105]. Особенно подчеркивается генеральное значение иронического хода мышления для русского реалистического искусства, литературы XIX века. Правда, говоря о том, что склонность к иронии является одной из национальных черт русского характера, следует помнить, что ирония и как разновидность комического, и как стилистическая фигура или троп универсальна и интернациональна. Анализируя речевые приёмы комического в советской литературе, Е.А.Земская отмечала, что «многие речевые приёмы комического по своему *строению*, механизму образования являются общими не только для разных периодов в истории одной литературы, но и для разных литератур. С точки зрения *материала* речевые приёмы комического глубоко национальны» [Земская 1959, 218]. Данное наблюдение справедливо и в отношении иронии. К выводу об универсальности языкового механизма иронии приходят ученые, изучавшие иронию в сопоставительном аспекте [Походня 1989, 112], об этом же свидетельствуют диссертации, выполненные на материале различных языков и литератур российскими лингвистами [Салихова 1976; Фомичева 1992; Каменская 2001], статьи зарубежных исследователей [Tanaka 1973; Myers 1977; Groupe 1978; Kerbrat-Orecchioni 1980]. А национальные особенности иронии проявляются в лингвистической технике иронии, в конкретных формах и способах ее реализации, наиболее характерных для определенной культуры.

С позиций современной парадигмы знания, универсальная составляющая иронии связана, прежде всего, с ее лингвокогнитивным аспектом, а национально специфические особенности – с лингвокультурологическим.

Лингвокогнитивный аспект имеет немаловажное значение в лингвистическом анализе иронии, поскольку она по сравнению с другими видами комического (юмором, сатирой, сарказмом) характеризуется самой высокой степенью интеллектуальности [Желтухина 2000, 9]. Неслучайно, Фр.Шлегель определял иронию как логическую красоту. Именно апелляция к логике заставляет сработать механизм ретроспективного переосмысления иронизма-мистификатора. Как известно, лингвокогнитивные концепции смешного базируются на теориях фреймов М.Минского и семантических сценариев В.Раскина. Под фреймом понимается концептуальная структура, предназначенная для представления стереотипных ситуаций [Минский 1979], которая отличается от значения своей энциклопедичностью, экстралингвистическими знаниями о референте, обозначенном словом. С позиций данной теории «самым общим элементом для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого часто достаточно одного-единственного слова) предстает совершенно в ином ракурсе» [Минский 1988, 294]. По теории В.Раскина, шутка основана на комбинации двух семантических сценариев (процедуральное знание, ролевой фрейм) с помощью так называемого переключателя [Raskin 1985]. В случае иронии этот переключатель – контрадикторный, основанный на противоречии одной ситуации другой.

Проиллюстрируем это на примере, в котором ироническому переосмыслению подвергается слово конкретной семантики. В значении слова *книга* нет никаких указаний на объем листов, который позволяет квалифицировать предмет именно как книгу, но житейский опыт определяет наличие некоторых нормативных представлений

о среднестатистической книге, в которые входит и знание о том, что в ней не может быть меньше трех листов, ибо два листа составляют обложку книги. В иронической паремии *Книга – в ней два листа, а середка пуста* две части высказывания представляют собой два контрастных фрейма – представление о книге и представление о не-книге, «книге», не дотягивающей до нормальной.

Слово *сокол* вызывает определенные представления о внешнем виде птицы и одновременно о «добром молодце», которые вступают в конфликт с ситуацией «вороньих перьев» во фразе *Сокол – вороньи перья*. Чтобы создать или понять данную фразу как насмешку над человеком, который очень высокого мнения о себе, но на самом деле ничего собой не представляет, необходимы соответствующие знания фольклора и квазистереотипов сокола и вороны, бытующих в культурном социуме.

Таким образом, для производства и понимания иронических высказываний требуются и определенный житейский опыт, и знания национальной культуры: Если ирония паремии *Целовал ворон курку до последнего перышка* будет понятна представителям любой страны, в фауне которой есть вороны и куры, то для адекватного понимания изречения *Курыне – те же дворяне, лишь капуста в бороде* требуются знания о том, что борода – характерный атрибут, а капуста – типичная пища крестьян, а не дворян.

Хотя с точки зрения переводимости юмора на другой язык шутки с контрадикторными переключателями почти всегда переводимы [Кулинич 1999, 90], понимание иронических паремий требует высокого уровня владения русскоязычными нормами и знания русской культуры. Однако этнокультурная специфика иронических изречений заключается не только в использовании характерных примет и «культурных маркеров», но и в типичности / нетипичности, частотности или, напротив, единичности того или иного предмета (объекта) иронии. С одной стороны, субъективно рефлексивная природа иронии определяет универсализм иронического осмысления действительности, ирония «не обладает собственным предметом, а способна избирать любой предмет или явление», «основой иронии является рефлектирующее сознание личности, благодаря чему любое явление может быть поставлено под сомнение, осмыслено с противоположных сторон и оценено субъектом иронии» [Фомичева 1992, 7]. С другой стороны, как форма оценочного, критического и эмоционального освоения действительности ирония тесным образом связана с мировоззрением субъекта иронии. Именно этот, мировоззренческий, аспект вновь и вновь привлекает внимание философов, психологов, культурологов и филологов к изучению иронии.

В этой связи определенную ценность представляет перечень наиболее типичных объектов осмеяния, составленный на материале иронических паремий, ибо пословицы и поговорки для обыденного сознания выступают своеобразной формой рефлексии, несущей в себе вековой опыт и систему ценностей народа. Рассмотрим коллекцию паремий под этим углом зрения.

Говоря о предмете (объекте) иронии будем иметь в виду, прежде всего, переносный смысл ключевого экспрессивно-иронического слова (словосочетания), которое используется для сообщения аксиологического итога, характеристики предмета, явления, действия: *Добрый баранчик, да по волчьему воет*, следовательно, ‘злой’; *Чулки новы, пятки голы*, ‘рваные, значит уже не новые’.

Как известно, в русской культуре отношение к смеху двойственное: с одной стороны, приветствуется смех, помогающий в жизни, отношение с юмором к трудностям и проблемам, с другой – осуждается насмешка над страданиями, вызванными извне действующими обстоятельствами, которые человек не в силах отменить или изменить. В частности, табуировалась насмешка над болезнями. В этой связи представляется очень важным ограничение на использование поговорок типа *Толкуй слепому, какого*

цвета молоко; *Смотрит слеп в окошко, много ли в день звезд? Посмотрим, сказал слепой, как будет танцевать хромым:* подобные насмешки, как подчеркивают составители сборников, «не к слепцам относятся» [Зимин 1996, 320], т.е. употребляются лишь в переносном смысле.

Примечательно, что в русском паремическом фонде отсутствуют примеры иронического употребления предикатов с семантикой ‘здоровья’, насмешек над больным человеком. Указание на болезни в контексте иронической паремии допустимо лишь в серьезной мотивировочной части, обрисовывающей истинное положение дел: *При старости две радости: и с горбом, и с бельмом (или горб и кила); Хорош, пригож, на лиху болезнь похож; Богат Тимошка, и кила с лукошко.* Ирония же уместна над симулянтами, мнимыми больными: *Болят бок девятый год, не знаю, которое место; Хвораю – ем по караваю, не могу – ем по пирогу.* В контексте иронической насмешки *Больной – аппетит тройной; Недомогают – девятой хлеб доедает* такой эталонный признак здоровья, как хороший аппетит, однозначно указывает на истинный смысл слов: *больной – ‘здоровый’, недомогать – ‘не быть больным, быть здоровым’.* Аналогично направление и содержание инверсии оценки предиката со знака минус на знак плюс в паремии *У нас дома не здорово: таракан с печки свалился* (или: *в сучке ногу увязил;* или: *блошка с печки упала*). Шуточная ситуация, обрисованная во второй части, красноречиво показывает благополучие, здоровье членов семьи, якобы переживающих несчастный случай с насекомым-паразитом.

Наиболее частотным лейтмотивом самоиронии (самоиронии потому, что родились эти поговорки в среде крестьян и городской бедноты) является бедность. Данный объект иронии характерен для каждой пятой иронической паремии. Насмешка над нищетой передается общеоценочной лексикой (*хорошо, хороший*), словами и фразеологизмами с качественной (*богато, заживно, поправляться*) и количественной (*много, девать некуда, куры не клюют*) оценками: *Житье хорошее: семерых в один кафтан согнали; Стали дела наши поправляться: от семян земли стало прибавляться; Хата брата всем богата: три полена, два ушата; Заживно живет: и голодной собаки выманить нечем; На дворе много скота: три собаки, два кота* и др.

Конкретность описания при стремлении к краткости влечет за собой односторонность обоснования оцениваемого свойства, при которой высвечивается какая-либо одна яркая его примета, что порождает большие возможности для варьирования в мотивировочной части иронической паремии. Подробно разработана тема отсутствия имущества, главным из которого считался скот: *Богат Мирошка: животов – собака да кошка; Хорош молодец: ни коз, ни овец; Рогатой скотины – вилы да грабли, хорошей одежи – мешок да рядно; Рогатой скотины – ухват да мутовка; дворовой птицы – сыч да ворона; Только у молодца и золотца, что пуговка оловца.* Запасы “богача” столь велики, что приходится *Горевать, во что сливать: ни судна, на браги*, а денег так много, что их или нет, или не хватает даже на покупку кошелька.

Интереснейшим примером смысловой несообразности является поговорка *Денег девать некуда – кошель купить не на что.* Семантическая двуплановость первой половины фразы проистекает из омонимии *девать* ‘помещать’ и *девать* ‘тратить’, с последним из которых связано значение оценочного фразеологизма ‘очень много денег’. Сравни: *Денег много, да не во что класть; Денег много, да кошель нет.* Вторая половина фразы обозначает ситуацию полного отсутствия денег, т.е. крайней степени проявления малой величины. Двухзначность первой части определяет качание смысла всего высказывания; с одной стороны: *денег много, но денег нет*, а с другой: *нет денег на покупку кошелька, в который можно положить деньги, которых нет.* «Так и происходят при восприятии колебания от одного значения фразы – и, соответственно,

от одного противоречия – к другому и от одного понимания причинно-следственной зависимости – к другому» [Левин 1981, 156]. Острота *Денег куры не клюют: денег нет и кур нет* также строится на контекстном разрушении фразеологически связанного значения аксиологического типа ‘очень много денег’, контрастирующего со значением отсутствия.

В других поговорках в качестве показателя бедности выступают лапти и другие детали крестьянской одежды, отсутствие посуды, в связи с чем пить приходится прямо с плота, плохие еда и питье. Сравни обоснование оценки в паремиях: *Богат стал: вместо лаковых сапог надел липовые; Богато живут – с плота воду пьют; Живем хорошо: два кваса наладили, один как вода, другой ешию пожисе*. Над невозможностью хорошо питаться и одеваться иронизируют: *Парень-сластоежка, что ни день, то сыроежка; Щеголь Ивашка: что ни год, то рубашка*.

В паремии *Щеголь – собака (Франт – собака), что ни год, то рубаха, а портам и смены нет* нарастание примет мнимого щегольства, просторечный характер лексемы *порты* обогащают смысловой контраст дополнительными стилистическими нюансами. В языковой картине мира просторечное *порты* отделяет глубокая пропасть от характеризующего наименования *франт, щеголь*, их контекстуальное сближение создает семантико-стилистический диссонанс, а обрисованная ситуация (франт щеголяет портами) комична в своей несообразности.

Предметом насмешек становится также низкое происхождение и социальный статус бедняков: *Благородный, как свинья огородна; Велик боярин – свинья на болоте; Куряне – те же дворяне, только сено в бороде; Хлеб да вода – то наша дворянская еда; Чин большой: старший помощник младшего дворника*.

Близки к данной группе поговорки о различных жизненных невзгодах: *Наше счастье – дождь да ненастье; Везет, как утопленнику, о деревне и родном крае, где жизнь якобы богата, легка и комфортна: Едут с обозом из лучшаго села, в котором нет ни кола; В нашем краю, что в раю: рябины да луку не приешь; Нарым – тот же Крым, только морозы велики; Колыма ты, Колыма, славная планета: десять месяцев зима - остальное лето*.

Думается, такая готовность иронизировать над невзгодами жизни может быть объяснена тем, что богатство, материальное благополучие не входило в число ключевых ценностей русского человека. Как следствие этого, осуждение неумеренности и разборчивости в еде, привередливости и щегольства, не приставших бедному человеку: *Сыт покуда, как съел полтуда, а теперь бы проведать, не станет ли кто обедать; Дали голодной Маланье алады, а она говорит: испечены не ладно; Дали нагому рубашку, а он говорит толста*.

Если говорить о человеке как объекте иронии, то «смешным может быть все, что отличает человека от норм, принятых в данном коллективе», что касается и внешнего облика человека и его привычек [Пропп 1971, 163]. Частотным объектом иронической оценки в русских паремиях является внешняя непривлекательность, в том числе лица, глаз, телосложения: *Красива, как свинья сива; Очень хорош, на черта похож; Хорош, как свинья в дождь; Очи добры, только ямы одни; Ай молодца: широка лица, глаза узеньки, нос пятка; Как похудел, чуть не лопнет; У него семь волос, и все густые* и др. Характерно, что контраст между декларируемой красотой и референтной ситуацией может быть весьма разительным, что достигается использованием гиперболы, пародии, нанизыванием слов с отрицательным фоновым значением. Например, в пословице *Молодой человек приятной наружности – семь верст в окружности* насмешка передана посредством количественного параметра *семь верст*, которое в применении к человеку означает гипертрофированное отклонение от нормы, и, следовательно, отрицательную аксиологическую квалификацию ‘безобразный’, ‘уродливый’.

В изречении *Такая красавица, что в окно глянет – конь прянет; на двор выйдет – три дня собаки лают* утрированное описание реакций на оцениваемый объект со всей определенностью обнаруживает экспрессивно-ироническое значение ‘уродливая, безобразная’, антонимичное нейтральному омониму, а местоимение *такая* только подчеркивает его.

Зрительный образ высмеиваемых иронией недостатков нередко рисуется словами с отрицательным фоновым значением, например, с резко негативными ассоциациями связаны названия болезней. В иронической насмешке *Экой красавец: под носом румянец, во всю щеку лишай* пародируется клишированная ментально-языковая структура *во всю щеку румянец* – эталон красоты и здоровья, пародируется таким образом, что эталон красоты (*румянец*), вытесненный образом «антикрасоты» (*лишай*), занимает неподобающее ему место (под носом), таким образом нарушаются понятийные и языковые нормы, а пародия создает дополнительное стилистическое напряжение.

В насмешке *Много красы: одни скулы да усы* переплетаются две линии иронического противопоставления: первая – количественная противоположность *много – один*, то есть ‘мало’, и вторая – противоречивые ценностные отношения красоты и скуластости, которая в картине мира русского народа никогда не была эталоном, приметой красоты. Поэтому вторая часть высказывания в зависимости от ситуации речи может пониматься и как аргумент весьма небольшой степени красоты, когда акцент падает на слово *много*, и как знак отсутствия красоты, когда иронически осмысляются количественная и качественная оценки в совокупности, причем последнее представляется более вероятным.

Такая высокая степень критичности связана, как нам представляется, с приматом в народном сознании внутренних качеств над внешностью. В русском проverbsиальном пространстве это выражается в том, что пословицы, отрицательно характеризующие и оценивающие внешность, многократно превосходят число аналогичных пословиц с положительной оценкой [Богуславский 1994, 127-129]. Таким образом, красота не являлась большой ценностью, отсюда и *Не родись красивой ...*, и *Жена красавица – безочному (слепому) радость*, и весьма невысокие требования к красоте – «голова по маковку, а ноги по самые пятки», значит уже не урод: **Урод**: *голова по маковку, а ноги по самые пятки*;

Что касается отрицательных черт характера, то частотным предметом насмешек являются следующие:

– глупость: **Смыслен**, *как осел к волюнке*; **Умен**, *как поп Семен: книги продал да карты купил*; **Умен**, *что Надеин Семен, на волюнку насад променял*; **Человек он умный**, *только мало смыслит*; **Умница** – *как попова (как пестрая) курица*;

– нечестность и склонность к воровству: **Лысковцы** – *народ честный: коли не вор, так мошенник*; **Люди честные, поволжане**, то есть разбойники; **Прямо (или: Право)**, *как дуга*;

– трусость: **Воин**: *сидит под кустом да воет*; **Герой** – *штаны с дырой*; **Храбр** *после рати, как залез на полати*; **Вятский народ хватский**: *семеро одного не бояться*.

Подтрунивали, подшучивали и над такими недостатками, как медлительность, неуклюжесть, неловкость, которые проявлялись и как свойства характера, и как неумение делать что-либо профессионально: **Прыток (боек)**, *как черепаха*; **Поворотлив**, *что гиря (что медведь, что колода, как печь)*; **Ловок**, *кабы локти не цеплялись*; **Вот так ловкий**: *на лежащую березу до самого верху влез*; **Приемист**: *за что ни возьмется, все исковеркает*; **Дело спорится**: *что сошьешь, то и распорется*; **Лихой конь**: *всех встречных обгоняет*; **Портной Пепка шьет крепко**: *от пятницы до*

субботы носи без заботы; Пошло дело на лад: словно один держит, другой не пускает.

Частотным объектом осмеяния является отсутствие доброты и злость: *Добр волк до овец, да пасти ему не дадут; Добрый баранчик, да по волчьему воет; Ласков, что мачеха до пасынка; Ласков, как медведь.* Отметим, что в пословицах о мнимой доброте в качестве объекта сравнения наравне с волком и медведем с завидным постоянством выступает мачеха, тем самым, в народной иерархии оценок мачеха приближается к эталону сверхзлости (Ср.: *Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк*). К примеру, резко отрицательно в народном сознании оценивался квазистереотип скупости мачехи по отношению к пасынку: *Горе мачехино, что пасынок сметаны не ест, а порой и сыворотке рад.*

Как уже говорилось, специфической чертой иронии, отличающей ее от других форм комического, является замаскированность, поэтому она часто используется для прикрытия истинных чувств, прежде всего, антипатии: *Мил, как порошинка в глазу; Рад, как сирота лихорадке; Люблю, как черта в углу; Так друга любит, что для него последний кусок хлеба сам съест; Любит, как собака палку; Любит, как собака редьку; Любит, как волк овцу.* Иронизируют и над агрессией: *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Жалеет ворона жавороненочка, да по два вдруг глоть да глоть; Целовал ворон курку до последнева перышка.*

Таким образом, наиболее типичным объектом осмеяния в русской паремике являются бедность и низкий социальный статус, связанные с ними различные жизненные невзгоды; осуждались неумеренность и разборчивость в еде, привередливость и щегольство, не приставшие бедному человеку. Частотность обращения к мотиву бедности свидетельствует о том, что насмешливый смех проявлялся прежде всего в форме самоиронии, т.к. иронические паремии создавались в крестьянской среде. Тем самым соблюдался народный принцип: *Шутить над другом (другим), любить шутку и над собой; Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой.*

Характерно также, что ироническому осмеянию чаще подвергались внешние качества человека, а не внутренние. Тем не менее, целый ряд отрицательных качеств характера «попал под прицел» народного осуждения. Так, неоднократно в паремическом фонде встречается насмешка над глупостью, склонностью к воровству, трусостью, неловкостью, злостью. В то же время последовательно соблюдается запрет на высмеивание болезней, страданий, смерти.

Таким образом, по ироническим паремиям можно судить о значимости тех или иных ценностей для русского этнического сознания. Наиболее значимыми на шкале ценностей русского народа предстают жизнь и здоровье, ироническое отношение к которым табуировалось. Богатство и другие утилитарно-практические ценности, напротив, являются наименее существенными, поэтому ирония над собственной бедностью столь частотна. Подтверждается и вывод многих ученых о примате внутренних качеств человека над внешними, что проявляется в преобладании насмешек над внешностью.

Литература

Богуславский, В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка [Текст] / В.М.Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 237 с.

Борев, Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия [Текст] / Ю.Б.Борев.– М.: Искусство, 1970.– 269 с.

Желтухина, М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: Монография [Текст] / М.Р.Желтухина. – М.: Институт языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. – 264 с.

Земская, Е.А. Речевые приемы комического в советской литературе [Текст] / Е.А.Земская // Исследования по языку советских писателей. – М., 1959. – С. 215-278.

Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М.: Сьюита, 1996. – 544 с.

Каменская, Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А.П.Чехова [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В.Каменская. – Саратов, 2001. – 22 с.

Кулинич, М.А. Юмор в свете теории фреймов: культурно-аксиологический аспект [Текст] / М.А.Кулинич // Язык и культура (исследования по германской филологии). – Самара, 1999. – С. 87-97.

Левин, Ю.И. Логико-семиотический эксперимент в фольклоре [Текст] / Ю.И.Левин // Семиотика и информатика. – Вып. 16. – М.: ВИНТИ, 1981. – С. 145-162.

Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного [Текст] / М.Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 281-308.

Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М.Минский; пер. с англ. О.Н.Гринбаума. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

Походня, С.И. Языковые виды и средства реализации иронии [Текст] / С.И.Походня. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128 с.

Пропп, В.Я. Проблемы смеха и комизма [Текст] / В.Я.Пропп // Уч. зап. Ленингр. ун-та. – Серия филологических наук. - Л., 1971. – № 355, вып. 76. – С. 160-178.

Салихова, Н.К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии (на материале английской и американской художественной литературы XVIII-XIX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.К.Салихова. – М., 1976. – 24 с.

Фомичева, Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.Е.Фомичева. – СПб., 1992. – 17 с.

Groupe, M. Ironique et iconique [Text] // Poétique. – 1978. – N 36. – P. 427-442.

Kerbrat-Orecchiony, C. L'ironie comme trope [Text] // Poétique. – 1980. – № 41. – P.108-128.

Myers, A.R. Toward a definition of irony [Text] // Studiers in language variation. – Washington, 1997. – P. 171-183.

Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor [Text]. – Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985.

Tanaka, R. The concept of irony: Theory and practices [Text] // Journal of literary semantics. – 1973. – № 2. – P. 43-56.